

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей
Лузин

Настька. Не
такая, как все

Сергей Лузин

Настька. Не такая, как все

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56960525

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда в детстве Настя постоянно дружила только с мальчиками, ей часто говорили: "Ты же девочка, как так можно?" Никто не думал, что однажды она воспримет эту фразу слишком буквально.

Содержит нецензурную брань.

Сергей Лузин

Настька. Не такая, как все

Настька. Не такая, как все

«Грязный» роман

Воспоминания о прежних, счастливых и беззаботных днях медленной рекой текут в моей голове. Переживая снова и снова эти моменты, я чувствую себя по-настоящему молодым. И, прокрутив жизнь словно киноленту, как поется в известной песне, на десять лет назад, я вижу деревню, одну из самых обычных, в каких мы все часто проводили лето. Необычна она была лишь, пожалуй, тем, что особым образом была отрезана от внешнего мира. Из райцентра до нее можно было добраться только на машине по проселочной дороге, и то по пути заехав в пару канав или разбив колесо на ухабе. Поэтому народу там жило мало, в основном коренные жители, но бывали и городские приезжие. Зато летом для нас там было настоящее раздолье. Можно было ездить на велосипедах, купаться, загорать, ходить в лес за грибами – словом, не надо лишний раз подробно описывать все прелести сельской жизни. Но мы, дети, особенно любили, собравшись в одну компанию, играть в различные игры. Так, за околицей мы расчистили от травы большой кусок поля, поставили на нем

выстроганные из палок и досок ворота и почти каждый день играли в футбол. Среди нас была лишь одна девчонка, Настя, белокурое девятилетнее создание, сущий ангел во плоти, как мне тогда казалось. Но она старалась играть с нами во все игры и порой не уступала нам, мальчишкам, ни в чем. Правда, в футболе мы обычно ставили ее на ворота, зная, что в отнимании и пасовке мяча от нее будет мало пользы. Но она и на воротах справлялась довольно неплохо, и редко когда команде противника удавалось выиграть. В случае же проигрыша никто никогда ее не ругал, как если бы на ее месте был парень. И вот был обычный день, игра шла своим чередом, солнце ярко светило, зеленела густая трава за пределами поля, мяч то и дело улетал в нее, но Настя каждый раз самоотверженно лезла туда и возвращала его на поле. Но в этот раз преимущество явно было не в нашу с ней пользу, должно быть, потому что солнце светило Насте-вратарю в глаза. И вот, когда команда противника в очередной раз прорвалась к нашим воротам, Вася, неофициальный деревенский лидер и капитан команды, дал верхний пас толстому и неуклюжему Паше, которого в деревне не любили за его жадность и высокомерие. Тот недолго думая двинул по мячу локтем, загнав его в ворота.

– Не считается! – закричала Настя. – Рукой нельзя!

– Хуйня, считается! – нагло ответил Паша. – Рука прижатая была!

Сокомандники поддержали его, хотя все прекрасно виде-

ли, что рука не была прижата. Возможно, не хотели так просто уступать девчонке.

– Не считается! – гневно повторила Настя. С ней согласились я и еще двое парней из нашей команды.

– Не слушайте ее, пацаны! Она не видела нихуя, ей солнце в глаза светило! – заспорил Паша.

– Не считается! – снова крикнула Настя, готовая до конца стоять на своем.

– А ну заткнись, дура, все считается! – закричал в ответ Паша.

– Сам дурак! Не считается! – упрямо твердила она.

Вокруг спорящих уже собрались все игроки, и даже те, кто с самого начала были безразличны к происходящему, теперь кричали вразнобой. Однако мы оставались в меньшинстве, потому как Васю, поддержавшего Пашу, многие уважали. Скоро уже я один защищал Настю, но вскоре был вынужден замолчать, так как испугался, что меня потом станут за это дразнить. Настя же продолжала стоять на своем, гневно топая маленькой ножкой и повторяя: «Не считается! Я все видела!» На глазах ее от обиды появились слезы, и Паша, увидев это, злорадно закричал:

– Ну давай, зареви еще, дура! Сама ноги раздвинула, вот и пропустила!

У меня перед глазами до сих пор стоит эта сцена: толстый, нахально ржущий парень и маленькая девочка со светлыми растрепанными волосами, в коротком розовом платице и с

босыми загорелыми ногами (как и многие в деревне, она целое лето ходила босиком) стояли друг напротив друга, готовясь к схватке. Не знаю, что имел в виду Паша, но Настю сильно задело его слова. Встав в боевую стойку, она вытащила из ушей сережки, единственное украшение, что она тогда носила, и отдала их в руке Леше, доброму, но слегка лоховатому парню, который стоял ближе всех к ней. Все вокруг загоготали, раздались восклицания: «Ого, сейчас битва будет!» «Давай, Настька, покажи ему!» И, как только она схватила противника за шею своими слабыми ручонками и с неожиданной силой повалила на землю, по толпе пронесся изумленно-восхищенный гул. Настя и Паша катались по траве, сплетясь в клубок, он изо всех сил пытался оттолкнуть ее от себя, она же вцепилась в него как клещ и с визгом лупила по толстым бокам худыми ногами, а все вокруг радостно скандировали: «Настя! Настя! Давай, всыпь толстому!» Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы не появление взрослого. Наш сосед, ехавший на велосипеде в лес за грибами мимо поля, увидел толпу, услышал крики и сразу кинулся к нам. С большим трудом ему удалось разнять дравшихся. Когда Паша поднялся на ноги, все лицо его было расцарапано острыми Настиными ногтями, удивительно еще, как она не выцарапала ему глаза. Теперь он сам ревел как девчонка, а все мы громко смеялись над ним. После того случая Пашу в деревне окончательно перестали уважать.

Разумеется, новость о драке быстро разнеслась по всей

деревне. Пашин отец, стодвадцатикилограммовый мужик, прибежал к тете Лене, Настиной маме, брызгал слюной и матерился так, что слышно было на всей единственной улице. Сама Настя в это время, сидя под замком в старой бане, только усмехалась. Надо заметить, что на даче у них тогда жили одни женщины: Настины мама, бабушка, тетя и старшая двоюродная сестра. Возможно, поэтому ее и не смогли наказать по-настоящему. Вместо этого все они собрались в главной комнате дома, которую в старину называли горницей, и принялись каждая по-своему читать «маленькой хулиганке» нотации.

– А если бы ты ему и правда в глаз пальцем попала? Знаешь, что бы тогда было? – спрашивала ее старшая сестра Ира.

– Да я считаю, что ей вообще нужно запретить с этими мальчиками играть в футбол! – возмущалась мать. – Как будто бы других дел летом не найти!

– Да, вот именно, – соглашалась ее сестра, Настина тетя. – Настя, как так можно? Ты же девочка!

«Ты же девочка», «Тебе же так нельзя» – эти фразы ей потом приходилось слышать довольно часто и, возможно, это и повлияло на нее в дальнейшем. В конце концов, устав от нравоучений, она заткнула уши и убежала в лес. С трудом ее потом нашли, свернувшуюся под кустом и мирно спавшую.

Через два-три дня после того случая мы с Настей сидели на высоком дереве на самом краю обрыва над рекой. Поза-

ди нас шумел сосновый лес, разделявший реку и деревню, у другого берега медленно скользила моторная лодка с двумя рыбаками в ней. Если не считать этих рыбаков, мы с Настей были *совершенно одни!* Но в те времена мне и в голову не могло прийти никаких запретных мыслей. Настя просто нравилась мне – как друг, как девочка, совсем не в грязном смысле.

Была пасмурная погода, приближалась гроза, ветер раскачивал сосны и особенно нашу плакучую иву, неизвестно как занесенную в эти края. Мы сидели как раз на той ветке, которая дальше других выступала над водой. В этом и была вся фишка – забраться в то место, где было опаснее всего. И, когда налетал очередной порыв ветра, мне становилось порой так страшно, что я собирался слезть, но, глядя на Настю, которая как ни в чем не бывало сидела почти на самом краю ветки и беззаботно болтала ногами, я успокаивался и продолжал смотреть сквозь листву вдаль, на другой берег и на затянутое тучами небо. В такие моменты было особенно приятно поговорить о чем-нибудь.

В деревне уже поползли слухи о том, что Паша уехал с родителями в город, в больницу. Однако совсем недавно, проходя мимо его дома, я видел, как он гулял по садику, а лицо его было крест-накрест обклеено длинными пластырями. Увидев меня, он тут же смылся.

– А! Пашка дурак и слабак! – сказала мне на это Настя. – Если бы не дядя Гриша, я бы ему еще и не так всыпала!

– Он не дурак, а подлец, – возразил я. – Девочек ведь нельзя обзывать, нас всех этому еще в садике учили.

– А я бы даже хотела родиться мальчиком, – призналась вдруг Настя. – Вы хорошие, честные, с вами можно по-настоящему дружить, вы не как девчонки, не цепляетесь к разным мелочам. А если вас обидят, можете и дать сдачи как следует. Все прямо как я мечтала.

Не помню, тогда ли это было или после, но она вдруг рассказала мне (видимо, по секрету) о том, как задолго до того случая Пашка завел ее в лесную чащу, где никого не было, и, сняв с нее трусики, «полизал ей писю». Много лет спустя я с ужасом вспоминал об этом, тогда же я понял, из-за чего произошла та ссора между ними и, признаться, даже стал завидовать толстяку.

Вот налетел особенно мощный порыв ветра, а Настя раскачала ветку, на которой мы сидели, с такой силой, что я чуть не наложил в штаны. Но боязнь опозориться перед девчонкой, пусть даже и перед *такой*, в очередной раз удержала меня от ухода.

– Интересно, а как наши родители поженились? – вдруг задумчиво спросила Настя. – Ну то есть, как получилось так, что они дружили-дружили, ну вот как мы с тобой, а потом раз – и уже навсегда вместе? И как вообще потом мы у них появились?

– Маленькая ты еще, – ответил я (хоть я был старше ее всего на два года, но считал себя уже взрослым, во всяком

случае, в таких вопросах уже разбирался). – Когда вырастешь – узнаешь.

Она засмеялась своим звонким заливистым смехом.

– А когда я вырасту, я на тебе женюсь, – сказала вдруг она с совершенно серьезным выражением. – А что? Ты хороший, добрый, лучше их всех.

– Дурочка, – сказал я ей на это. – Девочки не женятся, они замуж выходят.

Она только улыбнулась в ответ, а, когда я взглянул на реку, внезапно наклонилась ко мне и поцеловала в щеку. Я недоуменно уставился на нее, ведь никто меня раньше еще не целовал. Она же снова засмеялась и отвернулась. Меж тем загредел гром; пора было уходить. Пока я осторожно слезал с ивы, нащупывая ногами ветки, Настя с обезьяньей ловкостью спустилась вниз, хватаясь за ветки одними только руками. К тому времени, как я оказался на земле, она давно уже стояла там, пританцовывая на месте.

Надо сказать, ее мать сдержала свое обещание и запретила дочке играть в футбол с нами. Ира должна была строго следить за тем, чтобы она не появлялась на поле. Но Настя, как всегда, нашла из этого выход. Придя на поле, она не стала играть, а села в густую траву и оттуда наблюдала за нами. Иногда даже, когда мяч улетал в ее сторону, она подавала его нам, как и раньше. Многие ее звали на поле, но она отказывалась, зная, что Ира ходит неподалеку и не упустит случая рассказать все матери. Солнце уже клонилось к горизонту, и

его багровые лучи просвечивали сквозь верхушки сосен того самого леса, где мы недавно гуляли. Несколько раз Ира прибежала на поле, звала сестру домой, но та каждый раз отрицательно мотала головой. Выглядело это примерно так:

Первый раз:

– Настя, иди домой! Стемнеет скоро!

Второй раз:

– Настя, домой скорее! Мама волнуется!

И третий:

– Насть, ну сколько можно? Ты специально над нами издеваешься? Домой, быстро, я сказала!

Уже сами пацаны начали подшучивать над ней, крича высокими голосами: «На-астя! Иди домой!» А Вася, пробегая мимо, весело крикнул:

– Настя, домой! А то письку застудишь!

Случайно или нет, но в тот день на ней было только ее вечное розовое платье, а под ним – ничего. И это было явно заметно. На Васин комментарий она ничего не ответила, только переменяла позу, сев так, что колени еще больше раздвинулись, и ее «хозяйство» стало видно еще лучше. Понятия не имею, зачем она это делала.

Наконец выведенная из терпения Ира схватила Настю за руку и практически силой утащила домой. Солнце меж тем окончательно зашло, мы забили еще пару голов и разошлись по домам.

На другой день рано утром Настя проснулась от какого-то

неприятного жжения в интимном месте. Жжение это было настолько сильным и непривычным для нее, что она даже заплакала, что в то время случалось с ней редко. Прибежавшие домашние по очереди осмотрели ее вагину и пришли в ужас: внутри нее к стенке присосался клещ. Паразита вытравили народным способом, с помощью нитки и подсолнечного масла, но теперь надо было везти ее в больницу в райцентр, сделать прививку и осмотреть место укуса. После бесчисленных женских охов, ахов, плачей и восклицаний, среди которых укушенная выглядела самой спокойной, решено было бежать к соседу, у которого была машина, и просить его довезти их до больницы. По случайному совпадению этим соседом оказался мой отец. Я помню, как на его вопрос: «А куда ее укусил-то?» женщины смущенно пробормотали что-то невразумительное. В конце концов отправились: вместе с Настей ехали ее мать и тетя, жившая в райцентре и хорошо знавшая его. Поехал и я, просто за компанию и еще потому, что мне наскучила деревня. Лежа на заднем сиденье, головой на маминых коленях, Настя смотрела в окно на пронесившиеся мимо верхушки деревьев и серое небо и не думала ни о чем. Вообще ни о чем.

В инфекционном отделении ей сделали прививку и отправили в гинекологию. Лежа на простой кушетке (ибо специального кресла в этой убогой местной лечебнице не было), Настя теперь думала о том, как глупо она вчера поступила, из-за чего ей пришлось оказаться здесь, среди неудобных вы-

скобленных стен, на жесткой кушетке, под окном, за которым виднелось все то же самое: вершины сосен, свинцовое небо... Вдруг дверь распахнулась и вошел человек в белом халате. Настя поглядела ему в лицо, и ей вдруг стало страшно. Это был самый обычный врач, к которому в другое время, встретив его где-нибудь в больнице, она бы отнеслась вполне нормально, если не сказать – безразлично. Но это был совсем еще молодой парень, студент-практикант или интерн. Со сладкой и, как показалось Насте, плотоядной улыбочкой на губах он подошел к кушетке, протягивая вперед белые пухлые и, должно быть, мягкие руки... Вне себя от ужаса Настя отодвинулась назад и открыла было рот, чтобы закричать, но, к счастью, в этот момент дверь снова отворилась и в кабинет вошла пожилая толстая врачиха в огромных очках.

– Ну, чего встал? – сказала она застывшему в нерешительности парню. – Иди в подсобку, помоги Михалычу. Я сама ее тут посмотрю.

Когда медик вышел, Настя вздохнула с облегчением. Врачиха осмотрела ее, то и дело отпуская грубые шуточные замечания, затем помазала чем-то внутри и, легонько подтолкнув пациентку к двери, сказала:

– Ну, беги! До свадьбы точно заживет!

По дороге домой Настя думала о том наваждении, которое нашло на нее во время прихода молодого врача. А может, стоило просто-напросто расслабиться и покориться ему? Она поведала об этом случае только мне одному, на на-

шей заветной иве. Но, увы, в те времена я ничем не мог ей помочь.

Прошло лето, и Настя пошла в пятый класс, считая себя уже достаточно взрослой. Первого сентября она узнала, что в их класс перевели нового мальчика.

– А он ничего такой, мне даже нравится, – толкнув ее локтем, сказала Полина, ее соседка по парте и лучшая подруга.

Взглянув на новенького, Настя поняла, что подружка права. У него были темно-каштановые волосы, красивые, с оливковым блеском, глаза и румяные щеки. Стесняясь нового коллектива, он сидел за партой в одиночестве и смущенно глядел по сторонам. Губы его, когда он чему-то удивлялся, слегка раздвигались, и от этого он становился еще красивее. Звали нового мальчика Денисом.

С этих пор, сама не зная почему, Настя стала следить за своей красотой. Все чаще она теперь надевала мини-юбки и туфли на каблуках. Прежде она носила только серьги, теперь же стала надевать и кольца, а на день рождения даже выпросила у матери золотую цепочку. Потихоньку она пробиралась в комнату родителей и часами красилась перед зеркалом маминой косметикой. Она любила также нюхать ее духи, а потом прыскать ими на себя: ей казалось, что так она запросто привлечет внимание любого мальчика. Когда мать однажды застала ее за этим занятием, то поняла, что не сто-

ит противиться желаниям дочери, и купила ей собственную косметику.

На переменках она стала подходить к Денису, заговаривать с ним, спрашивать о разном. Он отвечал ей как-то неохотно, словно стесняясь. Но с Полиной он общался более свободно, и на переменах явно предпочитал ее компанию всем остальным. Тогда Настя и начала завидовать подруге. Во-первых, Полина была гораздо красивее ее, и для этого ей не требовались дорогие украшения, косметика и одежда. Во-вторых, она была отличницей и помогала с учебной работой многим. Кроме того, она знала много всего интересного и умела быть отличной собеседницей. Не удивительно было, что Денис чаще смотрел на нее, чем на ее соседку. По этому поводу Настя даже несколько раз ссорилась с подругой.

– Зачем он тебе, вокруг и так полно парней, которым ты нравишься? Я что, по-твоему, зря должна тратить на все эти юбки, туфли, духи? – спрашивала она.

– Мне-то какое дело? Я с кем хочу, с тем и встречаюсь, – пожимала плечами Полина.

Окончательный удар по их дружбе был нанесен во время одной контрольной, когда Полина подняла руку и попросила у учительницы разрешения пересест к Денису, который по-прежнему сидел один. «Мне оттуда лучше будет видно», – сказала она, кинув косой взгляд на соседку. Весь урок они с Денисом о чем-то шептались и хихикали. Настя смотрела на них, и злоба все сильнее закипала в ее душе. Впервые

ей довелось столкнуться с предательством и неразделенной любовью одновременно. Она сдала пустую тетрадь и, уйдя с уроков, весь день слонялась по городу, который в этот пасмурный осенний день был сер и тих и словно бы вмещал все людские горести. Придя домой под вечер, она прошла в свою комнату, кинулась на кровать и прорыдала в подушку полночи.

С тех пор она думала только о том, как отомстить бывшей подруге и завоевать расположение Дениса. Вскоре удобный случай представился: Полина заболела и не явилась в школу. Настя быстро пересела за стол к Денису, и когда он, взглянув на нее, приоткрыл от изумления рот, она решительно и даже как-то нагло произнесла: «Мне отсюда лучше видно». Денис закрыл рот и отвернулся. Во время урока, когда училка что-то увлеченно рассказывала, Настя вдруг придвинулась к Денису совсем близко, так что разделяло их не больше двух сантиметров, и, взяв его правую руку, которая лежала у него на колене, под партой положила ее на свое колено. Денис застыл, и рот его открылся шире, чем обычно. Ладонь его ощущала не кожу, а лишь ткань колготок, но и этого было достаточно. Настя же, ничуть не смущаясь, повела его руку еще выше, под юбку. Тут он не выдержал и окончательно развернулся к ней, весь вспотев от напряжения. Ее лицо, ее губы были прямо перед ним, ее тело дышало ароматом свежести и духов, недоразвитая грудь из-под розовой кофточки тянулась к нему все ближе, рука его почти скрылась под джинсо-

вой мини-юбкой, он чувствовал, что больше не вытерпит... В этот момент раздался громкий голос учительницы, делавшей ему замечание за то, что он ее не слушает. Вконец смущенный и покрасневший до корней волос, он отвернулся от соседки, делая вид, что внимательно слушает урок. Но Настя точно знала: дело сделано, и потому смотрела вокруг с победным видом. И Денис правда покорился ей, он был совсем безвольным.

Когда Полина вернулась с больничного в школу, она была потрясена. Мальчик, который ей нравился, с которым у нее, можно сказать, все складывалось как нельзя лучше, сидел рядом с этой противной Настькой, а она болтала с ним так просто, как будто бы это он с ней встречался! Мало того, у нее хватило наглости закинуть ногу ему на колено, да еще и обхватить его ручонками за шею! Денис же сидел так, как будто все это было в порядке вещей, и даже искренне смеялся в ответ на ее самые глупые реплики. Вначале Полина даже не поверила этому, решила, что это чья-то глупая шутка, но потом, когда все одноклассники в один голос подтвердили увиденное ей, сомнений больше не осталось. Окончательно расстроенная и разочарованная, она перешла сначала в другой класс, а затем и вообще в другую школу. Больше Настя ее не видела. Сама же она стала гулять с Денисом после школы, ходить с ним в кино, приглашать к себе домой вместе делать уроки. Родители ее радовались, что наконец-то она начала дружить с мальчиками совсем в другом смысле, как обыч-

ные девочки. Хотя она была еще маленькой для этого, но в дальнейшем, они не сомневались, все это только пошло бы ей на пользу. Денис же таскался за ней не то чтобы неохотно, но как-то безразлично, словно пес на поводке. Даже с родителями и друзьями Насти, с которыми она его знакомила, он почти не разговаривал.

Однажды они вдвоем шли из школы. К тому времени уже наступила зима, все вокруг было завалено снегом, но не чистым и белым покрывалом, как на природе, а типично городским – грязным, склизким, неприятным на ощупь. Возле школы малышня слепила снеговика, по цвету почти сливавшегося с кирпичной стеной. На голову ему нахлобучили консервную банку, а вместо носа воткнули веточку. Настя с Денисом как раз миновали этого снеговика и гуськом шли по протоптанной в снегу тропинке. Слева была огороженная сеткой площадка для баскетбола, справа – высокий сугроб. Из-за него вдруг навстречу им выкатилась ватага мальчишек старше их на два-три года.

– О, гляньте, пацаны, хлюпик идет! – завопил один из них.

– О, здорово, хлюпик, как поживаешь? – загомонили все разом.

Тесным полукольцом они постепенно окружали застывшую в нерешительности парочку. Денис хлопал глазами, переводя взгляд с одного мальчугана на другого, и, как всегда, ничего не говорил.

– Эй, хлюпик, это твоя девчонка? Нам погонять дашь? –

глумливо крикнул один из пацанов.

– Вам чего надо? Пропустите нас! – гневно сверкнув на них глазами, воскликнула Настя.

– О, гляньте-ка, она хлюпика защищает! – крикнул стоявший ближе всех к ней парнишка с противным веснушчатым лицом. – Может, еще и драться вместо него будет?

В другое время, в другом месте и в другой обстановке она бы, несомненно, так и поступила. Но это был город, зима, и она была не одна. Всю ответственность должен был принять на себя ее кавалер. К тому же в ушах у Насти последнее время только и звучали родительские наставления Денису, когда он уходил из их дома: «Береги ее, Денис, защищай! Она девочка, она слабая, а ты сильный пол, ты ее всегда должен оберегать!» Поэтому она стояла и просто смотрела на «хлюпика», который должен был стать ее мужественным защитником. Он же стоял, опустив голову, и в самом деле хлюпал носом.

– Пацаны, чур я первый! – крикнул парнишка, первым назвавший Дениса хлюпиком и, резко подскочив к Насте сзади, толкнул ее в снег. Не успев ничего сообразить, она упала лицом вниз, а пацан прыгнул ей сверху на спину и, крепко обхватив руками, прижал к земле. Какое-то чутье подсказало Насте, что следует лежать так и не двигаться и даже не звать на помощь. Что происходило над ней, она не знала и не хотела знать, лишь видела перед собой кусок грязно-желтого снега и слышала какие-то крики и возню позади. По-

том внезапно тяжесть, придавливавшая ее к земле, исчезла, и, повернувшись, она увидела, как буйная ватага улепетывает со всех ног. Должно быть, заметили неподалеку взрослых или еще кого-то. Была ли эта встреча случайной или же этих мальчишек в отместку подослала Полина, Настя так и не узнала. Зато своего «хлюпика» она увидела сразу. Он лежал в сугробе, полузасыпанный снегом и приваленный сверху двумя тяжелыми портфелями – своим и ее. В этот момент, впрочем, он как раз поднимался на ноги, отряхивался, даже побежал к ней. Она же заревела, просто потому, что так было надо. Денис кинулся к ней, стал поднимать, успокаивать, хотя у самого по щекам текли слезы и нос по-прежнему хлюпал. Она сердито оттолкнула его, встала сама и, закинув за спину портфель, гордо и не оборачиваясь пошла домой.

Дома она еще чуть поплакала, а потом твердо решила завязать со всем этим и с Денисом в том числе. Он и раньше уже надоел ей до смерти, а тут как раз нашелся повод с ним порвать. И тут-то она почувствовала себя по-настоящему свободной девушкой.

Пришла весна, и Настя вместо прежних прогулок с парнями стала гулять с новой компанией. Эта компания была совсем не похожа на наше деревенское общество или на Настиных одноклассников. Большей частью в ней были парни, хотя и девчонки имелись тоже, многие из них были старше

Настя, с ними она могла спокойно поговорить о парнях и о других подростковых проблемах. В основном это были ее знакомые по двору или соседним улицам, совсем немногие учились в одной школе с ней. Они собирались у подъездов, во дворе или в более пустынных местах: около старой больницы и в заводских районах. Помню, как когда-то, проезжая по городу и видя при свете закатывающегося солнца или в сумерках и даже в темноте такие компании, тусовавшиеся на улицах и возле гаражей, я почему-то испытывал ощущение настоящей романтики, свободы и жизни без правил.

Лучшей подругой из этой компании стала для Насти Светка, девочка на год старше ее. Она была ужасно некрасива, толстая и с прыщами на лице, но при этом с грудью, развитой не по годам, и носила бюстгальтер, вызывая этим зависть у многих девочек ее возраста. По ее словам, у нее было множество парней, и с каждым из них обязательно *было*. Настя знала, что, скорее всего, та сильно привирает в своих рассказах, но продолжала дружить с ней и чуть что обращаться за советом. К ней, да и к другим девчонкам из компании она могла запросто прийти домой и даже остаться ночевать. Родители ее, разумеется, не одобряли такой образ жизни дочери, но каждый раз, когда они начинали говорить ей об этом, она либо притворялась, что ничего не слышит, либо принималась уверять их, что ничего такого с ней не случится.

Однажды их компания сидела у подъезда поздно вечером, когда уже давно стемнело. Сверху горели только редкие огни

окон, снизу тлели кончики сигарет и мигала в машинах сигнализация. Делать было особо нечего, разговоры уже тоже не занимали, все темы были исчерпаны. Тут кто-то предложил: «А давайте бухнём?» Тут же со всех сторон раздались одобрительные и не совсем реплики:

– Давайте, я за.

– А чего брать будем?

– Не, давайте только не здесь, тут ментов полно.

– Короче, поднимите руки, кто «за»!

– Да нихуя, давайте просто скидываться! С каждого по сотке, вот и набралось. Будут бухать, не будут, какая разница – нам больше достанется.

– Не, ребят, а че пить-то будем?

– «Жигуля», полтораху! На всех, ептыть!

– Не, меня от пива вообще тошнит! Давайте хоть «Яги» возьмем!

– Короче, пива, «Яги» и еще, чего останется. Закуску будем брать?

– Не, ребят, короче, я устала, уже поздно, я домой, вы тут как-нибудь без меня. Спокойной ночи.

– Так, короче, а кто вообще пойдет? И главное, куда?

– Не, только не я, меня в прошлый раз спалили. Без паспорта точно не продадут.

– О, Стас, давай ты! Тебя уж точно не спросят.

– Да, Стас, Стас, ты идешь!

Стас, парень из соседнего подъезда, был на вид довольно

взрослым, и пиво или сигареты ему могли запросто продать, чем многие и пользовались. Сам он, правда, не пил и не курил, но помогал всем и каждому, и компания держала его при себе как бы на побегушках. Почему он тогда к ним примазался – кто его знает.

Когда таким образом единогласно за бухлом отрядили Стаса, на пьянку подписались все, никто больше не сомневался и не отказывался. Всей толпой кроме двух-трех человек двинули за Стасом к ларьку, громко шумя и в то же время опасно озираясь из-за ментов. Настя как-то случайно оказалась впереди всех, рядом со Стасом. Он шел, приветливо улыбаясь ей (он всегда относился ко всем дружелюбно) и, всякий раз наклоняясь к ней близко, чтобы она могла слышать в общем гуле его слова, говорил:

– Ты тоже, что ли, бухать будешь?

– Ну да, а что? – отвечала Настя.

– Ты ж еще мелкая!

– Ну и что? Я как все буду. А ты не будешь, что ли?

– Не, я не пью.

Настя шла и была счастлива. Ей нравилось все вокруг: и свет звезд в ночном небе, и огни пронесившихся мимо машин, и веселые лица компании вокруг, и их громкий радостный смех, и поздние прохожие, шарахавшиеся от них в сторону. Она чувствовала себя по-настоящему свободной и не боялась ничего...

...Вот наконец Стас вышел из ларька с двумя большими

пакетами, которые прямо-таки раздувались от банок и бутылок внутри них. Тут были и мощные «полторахи» с пивом, и пестрые банки со всевозможными коктейлями и даже, по чьей-то особой просьбе, бутылка водки. Насте еще никогда не приходилось видеть столько бухла сразу. Спустя несколько минут она с компанией уже всю накачивала себя алкоголем. Пиво ей и правда не понравилось, ее быстро замутило, зато «Ягуар» оказался довольно вкусным. Под конец, осмелев, она даже хлебнула глоток водки и почувствовала, как по жилам заструилось тепло. Она ощущала теперь невероятный кайф и от бухла, и от красивого высокого Стаса, который его достал, и от веселых лиц кругом, и от объятий лучшей подруги...

Вернувшись этой ночью домой, Настя остановилась в прихожей и, не раздеваясь, привалилась лбом к стене. Родители вышли из спальни и, зажгя свет, стали хмуро глядеть на нее.

– Настя, что случилось? Почему так поздно? – строго и в то же время взволнованно спросила мать.

– Мы со Светой... гуляли, – с трудом вымолвила Настя и вдруг, покачнувшись, сблевала на пол, забрызгав при этом свою розовую курточку и капроновые колготки.

– Мы со Светой... в кафе... салат съели... – произнесла она и без сил повалилась на коврик.

Не знаю, поверили ли тогда ей родители или нет, но на следующий день они ничего не сказали дочке и запрещать ее прогулки почему-то не стали.

Меж тем годы, как говорится, летели, и Настя сама не заметила, как ей стукнуло тринадцать. Первые признаки полового созревания дали о себе знать, причем в самой резкой форме. Уже она не думала о дружбе с мальчиками и о прогулках с ними, ей хотелось чего-то большего, и каждый раз при взгляде на мальчика она испытывала совсем другие чувства, нежели раньше, ей явно хотелось *того самого*, о чем говорили все вокруг, она чувствовала сладостное томление внутри и понимала, что само собой оно не пройдет. Когда она рассказала об этом Светке, та только усмехнулась:

– Да ты не волнуйся, у всех это бывает. Ты, главное, нормально к этому отнесись. Оно ведь, рано или поздно, все равно придется. Ну, а если уж совсем немоготу, могу тебя с одним челом свести. Ему двадцать три, он тут недалеко хату снимает. Ему такие, как ты, в самый раз. Да ты не бойся, никто все равно не узнает, а тебе он даже может потом заплатить. Представляешь, в твои годы столько денег получить!

Настя решила не ждать того момента, когда ей *придется*, а попробовать прямо сейчас, когда особенно хотелось. Конечно, ей было немного боязно и непривычно, несмотря на все уверения Светки в том, что этот парень «совсем порядочный и ни одна девчонка еще на него не жаловалась». Она уговорила-таки подругу пойти вместе с ней, потому что район был опасный и всякое могло случиться и без Влада (так звали это-

го ловеласа). В назначенный час обе входили в подъезд дома на окраине города. У подъезда распивали пиво несколько мужиков в трениках и майках, на девочек они посмотрели странными взглядами, и один из них прохрипел: «Девчонки, айда ко мне!» Светка грубо отшила его, а Настя с ужасом подумала, что одна она, пожалуй, ничего бы не смогла ему ответить и, быть может, даже *согласилась бы*.

Они поднялись на третий этаж, остановились перед старой деревянной, обитой войлоком дверью, и Светка позволила в разбитый, державшийся на соплях звонок. Пока дверь не открылась, Настя быстро достала из косметички зеркальце и в который раз стала разглядывать себя, но Светка тут же одернула ее. Видно было, что Настя сильно волновалась: косметику нанесла криво, чего обычно с ней не случалось, и духов вылила на себя чуть ли не полфлакона. Дверь долго не открывали, словно хозяин чего-то боялся и тщательно рассматривал гостей через глазок. Наконец замок щелкнул и дверь распахнулась. Настя, внутренне готовившаяся к этому моменту, все равно не удержалась и вздрогнула. Перед ней стоял самый обычный парень, светловолосый, голубоглазый, совсем ненамного выше ее, хотя разница в возрасте у них была в десять лет. Если бы она встретила его случайно на улице, то, скорее всего, прошла бы мимо, испытыв, впрочем, некоторое сладостное возбуждение, какое она испытывала ко всем парням в последнее время, и подумав: «А вот с ним *было бы* неплохо». И в то же время в нем было

что-то неприятное, отталкивающее, так что сразу стало ясно: он с тобой церемониться не станет, он тебя возьмет сразу, какая ты есть. И взгляд его красноречиво говорил это. Пока он пожирал бедную девочку глазами, она, наоборот, смущенно опустила взгляд и лишь изредка поднимала его, стараясь не смотреть ему в лицо. Одет он был в белую расстегнутую рубашку и джинсы, и Настя знала, что совсем скоро он снимет их и обнажит свое волосатое тело, которое будет долго и противно тереться о нее... Светка тем временем представляла ее, говоря совсем непринужденно и даже как-то по-дружески:

– Привет, Влад, это Настя, я тебе о ней рассказывала («Господи, что такое она обо мне могла рассказать?» – с ужасом подумала Настя). – Ну, вы тут разбирайтесь, я тогда пойду (Настя упросила ее подежурить под дверью, – на всякий случай, – но она вряд ли стала бы это делать).

И вот дверь захлопнулась, и Настя оказалась отрезанной от внешнего, столь привычного ей мира, в странной обстановке, наедине со страшным человеком. Дрожа, она проследовала за хозяином в единственную комнату, тесную и душную. Видно было, что обычно в ней царил бардак, и только ради особых случаев Влад прибирался здесь.

– Садись, чего стоишь? – Влад подошел к шкафчику. Она робко присела на краешек кровати. – Пить будешь? – Он вынул из шкафчика бутылку шампанского.

– Нет! – Она резко вскочила. – Давайте сразу...

– Ну сразу так сразу, – пожал он плечами и стал раздеваться. Снял рубашку через голову одним махом, стал расстегивать джинсы... Она, словно зачарованная, глядела на него, на его худое мускулистое тело. У парней в деревне, когда они раздевались на пляже, животы были обвислые, в складках, либо же наоборот, ребра торчали во все стороны... Когда Влад наконец снял трусы и натянул презерватив, она все еще стояла, не шелохнувшись.

– Ну ебать ты смешная, – произнес он. – «Давайте сразу», а сама?..

Тут она вспомнила, чему всегда учила ее Света: быть смелой и не отвлекаться на пустяки. Она решительно сорвала с себя желтую маечку – тоже одним махом, через голову. Затем сняла короткую юбочку, колготки и вскоре уже стояла перед Владом в одном нижнем белье, стыдливо опустив взгляд.

– Это тоже скидывай, – кивнул на лифчик и трусы Влад. – Стесняешься, что ли? Да не бойся ты, я ж тебе не серый волк.

Она разделась полностью и покорно вытянулась на расправленной постели. Пока Влад подходил к ней, а затем наваливался всем телом, она смотрела слезящимся взглядом в окно, за которым стучала клювом по карнизу галка, и думала о сером небе, раскинувшемся над этим серым и угрюмым районом, который все звали не иначе как «Нижние Ебеня», о телках и пацанах, трахающихся в этих самых Ебенях в таких же грязных и маленьких квартирках, а то и вовсе в подь-

ездах или на заброшенных стройках; о Светке, которая сейчас где-то там ждет ее, а, возможно, совсем о ней не думает; о парнях из деревни; думала о чем угодно, только не об этой страшной боли...

Когда наконец все закончилось, Настя лежала, уткнувшись лицом в подушку, и слезы сами собой лились у нее из глаз.

– А ты ничего даже, – услышала она откуда-то издалека приятный голос Влада. – Я-то думал, хуже будет. Где хоть научиться-то успела?

С трудом оторвав голову от подушки, Настя увидела, что весь ее макияж размазался по желтой наволочке. Она поскорей утерла слезы и, сев на кровати, принялась собирать разбросанную по полу одежду. Влад сидел на другом конце кровати, так и не одевшись, и глядел на девочку уже не с жадностью, а даже с некоторым восхищением. Достав из кармана джинсов кошелек, он протянул ей тысячу, но она так отчаянно замотала головой, что он убрал деньги обратно и, взяв с тумбочки пачку «Винстона», закурил сам и протянул сигарету Насте.

– Я... я не курю, – робко произнесла она.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Влад, – рано или поздно придется попробовать.

Помедлив, она взяла сигарету, прикурила от протянутой зажигалки и, вдохнув едкий дым, закашлялась. Стремясь скрыть позор, она затянулась сильнее, но успокоения, как

ни странно, не ощутила, наоборот, ее замутило еще больше. Глядя, как она неумело затягивается и совсем по-детски хлюпает носом, Влад философски изрек:

– Жизнь одна, и в ней нужно успеть многое попробовать. Ничего, понемногу всему научишься.

...Этой ночью Настя долго не могла заснуть. Лежа в темноте, в привычной и уютной комнате, она прокручивала в голове весь сегодняшний день и его мелкие детали: голые стены и грязные занавески в квартире Влада, его мерзкие прикосновения, противный вкус его сигарет... Неужели каждый раз теперь секс будет для нее таким неприятным?..

Несколько дней после этого она боялась даже выходить из дому, чтобы ненароком не встретить на улице *его*. Родителям она сказала, что плохо себя чувствует, чтобы не идти в школу. Этот трюк у нее безотказно прокатывал с самого раннего детства: ей легко поверили и позволили остаться дома. Но возникла другая проблема: она внезапно осознала, что презерватив, который надевал Влад, вполне мог порваться или соскочить, а тогда... Она боялась даже думать о том, что могло произойти, если бы она вдруг забеременела. Не говоря уже о том, что сказали бы родители, узнав об этом. Единственным человеком, с кем она могла бы об этом поговорить, была, конечно же, Светка. Однако даже позвать ее к себе домой не получилось бы: сотового у Насти еще не имелось, а звонить на домашний было бесполезно: все равно подруга вечно отсутствовала. Раньше они умели каким-то об-

разом встречаться, не договариваясь заранее: стоило одной выйти во двор, как другая уже была тут как тут. В крайнем случае передавали сообщение через какого-нибудь знакомого. А теперь...

На третий день Настя не выдержала и решила обо всем поговорить с мамой. Разумеется, со всей осторожностью, ни в коем случае не открывая правду.

– Слушай, мам, можно тебя спросить?.. – начала она, как только мать вошла к ней в комнату с обычной порцией лекарств (она была врачом и потому никогда не водила дочь в поликлинику, а лечила ее сама).

– Конечно, Настенька, спрашивай, – улыбнулась тетя Лена.

– А когда ты... в первый раз... ну, сделала это... ну то есть... когда ты в первый раз занялась *этим*?

Улыбка сползла с лица матери, и она смущенно пробормотала:

– А почему ты спрашиваешь, доченька?

– Просто так... Мне интересно узнать, что девочки вообще чувствуют, ну, когда они... ну, занимаются этим...

– Да ну как тебе сказать... – Тетя Лена присела на стул возле кровати. – Тут у каждой по-разному. Я, например, только на втором курсе, в девятнадцать лет это испытала.

– И как это было? – вскинулась Настя, чувствуя, что вот-вот, она уже близка к разгадке тайны.

– Да как тебе сказать, – снова замялась мать, – дело-то бы-

ло такое... Ну ладно, слушай, все равно бы узнала. Словом, это было на втором курсе, поехали мы тогда на дачу, к подружке моей, Тамаре Селезневой, у нее день рождения был. Ну, естественно, выпили порядочно. Ну, а потом Томкин брат, зэк бывший, со мной *это* и сделал. Я его с тех пор больше и не видела.

– И как... что ты чувствовала? – трепеща от волнения, спросила Настя.

– Да ничего такого, – махнула рукой мать, – я ведь пьяная была, мне как-то все равно было. Но потом, конечно, старалась поменьше об этом вспоминать.

Настя поникла головой. Действительно, быть может, если бы она тогда выпила, все было бы по-другому, быть может, она ничего бы не почувствовала и сейчас не ощущала бы себя такой грязной? Почему-то мамин рассказ не успокоил ее, а, наоборот, оставил в душе какой-то мутный осадок.

– А если бы, мам... А если бы ты после *этого* вдруг забеременела? – внезапно спросила она.

Тетя Лена вдруг часто-часто заморгала и отвернулась. Настя успела заметить блеснувшие в ее глазах слезы.

– Мам, что с тобой?.. Ты... ты плачешь? Почему?

– Нет, ничего, – ответила мама глухим голосом, по которому было ясно, что она рыдает. Настя кинулась к ней, обняла за шею и, глядя ей в заплаканное лицо ласковым взглядом, начала успокаивающе шептать: «Мамочка, ну что такое? Ну расскажи мне, я все пойму». Мать посмотрела на нее отре-

шенным взглядом и вдруг все тем же глухим голосом произнесла:

– А я ведь и правда после того случая залетела. Сама не знаю, как это так получилось – таблетку я даже и не подумала тогда выпить.

– Как? – изумилась Настя. – Но ты же никогда не говорила...

– Вот, в том-то все и дело, – горестно промолвила мама, – я даже родителям тогда боялась признаться, они бы меня просто из дому выгнали. Я одной Томе только и сказала, у нее знакомая акушеркой работала, она-то мне аборт и сделала.

Настя сидела потрясенная, не веря тому, что только что услышала. Мать еще немного помолчала, глядя куда-то в пространство и наверняка думая о чем-то совсем ином, потом произнесла уже нормальным голосом:

– Папа твой, конечно же, ничего про это не знает. Я ему вообще перед свадьбой сказала, что девственница – в первую брачную ночь, конечно, притворяться пришлось. А так бы, доченька, была у тебя старшая сестренка... или братик. Ты ведь хотела братика? – И, взглянув на дочку, она невесело рассмеялась. Настя с трудом улыбнулась ей в ответ.

Зачем тогда тетя Лена говорила с ней об этом – непонятно. Возможно, как врач, не стеснялась ничего, а, может быть, думала, что чем раньше дочка узнает обо всем этом, тем проще ей будет потом...

Пару дней спустя они со Светкой гуляли по аллее парка. После того разговора с матерью Настя поняла, что прятаться дома бессмысленно: все равно ей когда-нибудь придется выйти наружу. Была у нее еще и другая причина для встречи с подругой, куда более важная: ей надо было срочно узнать про таблетки, о которых говорила мать. Может быть, еще не поздно?..

– Да не парься ты, дурочка, – говорила Светка, куря и пуская дым ей прямо в лицо (многие в их компании курили, и Настя втайне завидовала им). – Влад парень надежный, у него никогда промахов не бывает. По крайней мере, ни с одной еще не было.

– А если все-таки... – начала было Настя.

– А если бы да кабы, во рту б росли грибы, – передразнила Светка. – Ну подумай сама, зачем ему это надо? Своих проблем мало?

Настя промолчала. Пожалуй, тут подруга была права.

– А насчет таблеток даже не заморачивайся, – махнула Светка рукой. – Если хочешь – пойдем в аптеку, купим, только зачем? Родители еще найдут, начнут спрашивать. А при парнях про таблетки даже не заикайся, им это вообще не нравится. Они, понимаешь, во всем хотят быть главными, даже в предохранении.

Некоторое время они шли молча. Настя смотрела на зе-

леневшие кругом деревья, на гулявших по аллее людей и думала, стоит ли ей показывать парням свою слабость или же, наоборот, быть для них всем, чтобы они по-настоящему ценили и уважали ее.

– Слушай, – вернул ее к реальности голос подруги, – тут в воскресенье одна клевая туса намечается, у Катьки же днюха в субботу. Много наших придет, со двора еще будут, да Катькины знакомые, я их не знаю, но говорят, они классные. Ты как, пойдешь?

– А бухло там будет? – осведомилась Настя.

– Ну разумеется, а зачем же еще на днюху идут? – усмехнулась Светка.

Настя снова задумалась. Стоило ли идти, ничего не опасаясь, или слова матери должны были стать для нее предостережением?

– Ну, чего молчишь? – спросила Светка, остановившись на месте. – Идешь или нет?

– Слушай, Свет, дай мне сигарету, – попросила вдруг Настя. – А на днюху я конечно пойду, ты же меня знаешь. Только напиваться до посинения не стану.

– Ну как хочешь, – сказала Светка, протягивая ей пачку сигарет и отвечая одновременно на оба ее пожелания. – Тебя ведь никто не заставляет. А то, глядишь, может и парня себе там присмотришь.

– Я уж как-нибудь сама разберусь, – ответила Настя, прикуривая от Светкиной зажигалки и глубоко затягиваясь. Вот

странно – теперь ей было совсем не так противно, как тогда, в квартире у Влада – дым имел сладковатый привкус и даже успокаивал. Может, только после *этого* ей так мерзко становится?

И вот, в воскресенье состоялась обещанная туса на хате у Катьки. Народу и вправду было много, как знакомых, так и нет, и бухла... Впрочем, что тут рассказывать, вы и так наверняка представляете, как проходит большинство таких подростковых тусовок, возможно, сами на них не раз бывали. Отмечу только, что свет в квартире горел только на кухне, в гостиной было почему-то темно. Основная часть тусы происходила именно здесь. Кто-то обжимался парочками по углам, другие пытались танцевать под музыку в центре комнаты, а те, кто не хотел ни того, ни другого, сидели за большим столом, заставленным всевозможным бухлом, с банкой, полной окурков, посередине, и говорили кто о чем. К этой компании примкнула и Настя. Поначалу ей было неловко среди многих незнакомых парней и девчонок, но понемногу она стала привыкать к новым разговорам и лицам, и вскоре, когда уже достаточно опьянела, ей стало казаться, что она знает их всех уже очень давно. Затуманившимся взглядом она смотрела неподвижно в одну точку – на ярко раскрашенную банку «Ягуара», стоявшую прямо перед ней, и ей нравилось все вокруг – и уютный полумрак комнаты, и прохладный ветерок, дувший с тихой темной улочки, из приоткры-

того окна, и весело матерившиеся голоса, и лица вокруг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.